

5356

Моск. № 313  
8 Мар 1859

Е I 3395

# ЗЛАТО-ЛАВРОВОЙ ВѢНОКЪ

## ОЕДОТА СЕМЕНОВА КУЗМИЧОВА

или

### П Р И Г Л А Ш Е Н И Е

НА ЮБИЛЕЙ ПО СЛУЧАЮ СОВЕРШИВ-  
ШАГОСЯ 35-ЛѢТІЯ ЕГО АВТОРСТВО-  
ВАНІЯ.

Въ означенный вѣнокъ, лучшихъ авторовъ цвѣточки впа-  
дутся, на удивленіе потомству, и что авторъ имѣеть пол-  
ную надежду отпраздновать свой юбилей небывалый на святой  
Руси, и что онъ опровергаетъ предрѣченіе о Россіи  
знаменитаго Штилинга, и онъ первый жателемъ явился на  
литературномъ полѣ, прекраснымъ жателемъ въ всякомъ родѣ.

Перев. 1859

4525

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЛАЗАРЕВСКАГО ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

1859.

Лит. Гос. Библиотекы им. Горького

*Handwritten notes and numbers at the top of the page, including "1859" and "1858".*

*Large diagonal watermark reading "СПБГУ" (SPbGU).*

**ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,**

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-  
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва,  
Марта 5 дня 1859 года.

Ценсоръ *Д. Наумовъ*.





# ПРИГЛАШЕНІЕ

НА ЮБИЛЕЙ Ф. С. КУЗМИЧОВА, ПО  
СЛУЧАЮ СОВЕРШИВШАГОСЯ 35-ТИ-  
ЛѢТІЯ ЕГО АВТОРСТВОВАНІЯ ИЛИ  
ЗЛАТО - ЛАВРОВЫЙ ВѢНОКЪ Ф. С.  
КУЗМИЧОВА.

Поль вѣка торжествуя  
Славы авторской моей,  
Пиръ и праздникъ даю я  
Для писателей друзей!  
Пусть отъ сѣвера, до юга,  
Отъ Сибири до Кремля,



Отзовется, ради друга,  
Славныхъ авторовъ семья!  
Пусть меня, какъ Ветерана,  
Молодые всѣ почтутъ,  
И изъ свѣтлаго стакана  
Здравье авторства запьютъ!  
Триста титуловъ различныхъ,  
Въ свѣтъ пустивши для чтецовъ,  
Я всегда въ рѣчахъ приличныхъ,  
Съ пользой для простыхъ умовъ,  
Выражалъ и смыслъ и чувства.  
Зло бранилъ, хвалилъ искусство;  
А для славы и добра  
Восторгался до—ура!  
Славъ русской въ многолѣтье,  
Чести авторской моей  
Нынѣ въ тридцатипяти лѣтье,  
Пью за здравье всѣхъ друзей!  
Пусть они въ вѣнокъ лавровый,  
По цвѣточку хоть вплетутъ —  
И на пиръ (почти готовый)  
Дружно праздновать придутъ

Юбилей мой, славный, новый!  
И за трудъ мой и за службу  
Музамъ и простымъ чтецамъ  
Пусть свою окажутъ дружбу,  
Волю давъ своимъ умамъ!

То есть я вызываю и приглашаю всѣхъ ближнихъ и отдаленныхъ литераторовъ, на свой литературный праздникъ, съ тѣмъ, чтобъ каждый любящій меня, какъ собратъ почтилъ меня литературнымъ подаркомъ, который, вѣроятно, по сему случаю, немедленно можетъ возродиться въ его собственномъ черепѣ,—и потомъ, посредствомъ пальцевъ, правой руки, вооруженной гусинымъ перомъ, по времени обмакиваемымъ въ чернила, перейдетъ на бумагу! Вотъ такой-то подарокъ и нуженъ мнѣ, отъ каждого моего друга и собрата по литературѣ! Я соберу такіе подарки во едину книжицу и издамъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ:



«Праздникъ по случаю тридцатипятилѣтія фантастической, дидактической, военно-описательной и вообще литературно-дѣятельной жизни, или Злато-Лавровый вѣнокъ—*Θ. С. Кузмичова*».

Между тѣмъ, какъ на пиру моемъ будутъ палить фантастическія пули, т. е. хлопать пробки въ потолокъ, и гости-собратья стануть испивать шипучій нектаръ, не греческой а французской породы,—какъ въ наше время уже водится,—чтеніе статей доставленныхъ присутствующими литераторами усладить слухъ и разширить свѣтозарный полетъ фантазіи.

*Чуденъ будетъ пиръ на весь литературный міръ.*

О немъ своевременно возвѣстятъ Московскія вѣдомости.

Пока стану я устраивать этотъ славный вѣликолѣбный пиръ, прошу собра-

товъ литераторовъ, желающихъ удостоить  
меня своимъ посѣщеніемъ, потрудиться  
надъ изготовленіемъ своихъ произведеній  
къ этому случаю.

«Волю пусть дадутъ умамъ,

«Братья литераторства.

«И пріѣхавъ въ гости къ намъ—

«Пустьятся въ ораторство!»...

Милости просимъ господа! до пріятнаго  
свиданія

въ ожиданіи Ѳ. Кузмичовъ.

ПОСЛАНИЕ ѲЕДОТУ СЕМЕНОВИЧУ КУЗ-  
МИЧОВУ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы знакомы стали,  
Тому уже не мало лѣтъ  
Хоть рѣдко вмѣстѣ мы бывали,  
Но ты почтенный нашъ поэтъ  
Всегда со мною находился,  
Я жилъ всегда съ тобой мечтою,  
Съ тобою крѣпко я сроднился  
И братскимъ сердцемъ и душой,  
Ты близокъ мнѣ по назначенью,  
Природы дѣти оба мы  
И оба любители ученья  
Для пѣснопѣнья созданы  
Поемъ съ тобою, какъ умѣемъ  
Пускай бранить ученый свѣтъ,  
Мы отвѣчать ему несмѣемъ,  
Ученья многа въ насъ, и творенья,



Есть у насъ и умнѣя  
Но утаить, чтобъ вдохновенье  
Что свыше намъ Творецъ послалъ?  
О! это было бѣ преступленье,  
И ты поэтъ нашъ не молчалъ,  
Ты много лѣтъ на сочиненьѣ;  
Въ сей жизни краткой посвятилъ,  
И въ прозѣ и въ стихотвореньи,  
Природѣ долгъ ты заплатилъ;  
Ты написалъ огромны кипы,  
Трехъ сотъ твореній ты дѣлецъ  
Да скажутъ поздніе пѣнты:  
«Вотъ былъ прозаикъ и пѣвецъ!...  
И я конечно хоть ничтожный  
Поэтъ въ сравненіи съ тобой,  
Но—тожъ исполнилъ долгъ возможный  
И я, воздвигнутый тобой  
На поприще литературы,  
Не много, тоже написалъ.  
Мой трудъ плохой—карикатурный  
Не много тоже свѣтъ читалъ,  
Но никогда еще до селѣ

Другъ другу не писали мы,  
Какъ будто, право въ самомъ дѣлѣ,  
На то намъ средства не даны!  
Чтобъ развергнувъ воображенье  
Перо для друга въ руки взять,  
Въ минуты жизни вдохновенья  
Хоть строчку къ другу написать.  
Я первый, полный воспоминанья  
Давно утраченныхъ ужъ дней,  
Пишу тебѣ мое посланье,  
Какъ даръ любви къ тебѣ моей,  
И чувство братское прямое  
Отраднo высказать мнѣ въ немъ,  
Напомнить время то бывшее,  
Когда съ тобою мы вдвоемъ,  
Бывало время убивали  
За чашей полной пуншевой,  
До дна безъ просьбы выпивали  
Мы тостъ заздравный чередной.  
Какъ быстро тѣ часы неслися  
Бесѣды вѣрныхъ двухъ друзей!  
Какъ звуки сладостно лилися

Взаимныхъ искреннихъ рѣчей!  
Какъ горячо мы разсуждали  
О томъ о семь, и не о семь,  
И наизусть стихи читали,  
Свои, чужіе и потомъ  
Мы какъ умѣли, ихъ цѣнили—  
Одни хвалили безъ конца,  
Иные крошечку бранили  
И хохотали на пѣвца.  
Ты не забылъ, ты помпишь, вѣрю  
Давно минувшіе тѣ дни!  
Но вновь надѣяться я смѣю,  
Настануть вновь для насъ они,  
Опять увидимся съ тобою,  
Былое снова воскресимъ,  
За той же чашей пуншевою  
Мы посидимъ и поговоримъ.  
Приди-жъ ко мнѣ—она готова,  
За ней мы время проведемъ,  
Вспомянемъ нашего Орлова,  
Его творенія прочтемъ,  
Изъ-за могилы снова съ нами



Живой мертвецъ заговорить,  
Своею прозой и стихами  
Съ тобою насъ развеселить.  
Вспоманемъ Пуговкина брата,  
И онъ вѣдь тоже былъ поэтъ,  
Стихами громкими когда-то  
Дарилъ друзей своихъ и свѣтъ,  
Приди-жъ—тебя я ожидаю,  
Квартира знаешь гдѣ моя?  
Въ тверской ямской я обитаю.  
Ты незамедлишь, знаю я,  
Да не забудь! возьми съ собою  
Творенье новое твое—  
О немъ наслышенъ я молвою,  
А я вручу тебѣ мое.  
А если я тебя заждуся,  
Тебѣ, быть можетъ, недосугъ,  
Я скоро самъ къ тебѣ явлюся.  
Такъ до свиданья добрый другъ.

---

## НА ВСТРѢЧУ МАСЛЯНИЦЪ.

Лети! лети! о гостя дорогая  
Ты скорѣе поспѣшай  
Давно видѣть тебя желая  
На переменныхъ къ намъ катай.

Денегъ нѣтъ—не печалься,  
Скорѣй въ Москву поспѣшай,  
Деньги есть—не сумѣвайся,  
Только знай да подбирай.

Скорѣй скорѣе примчися  
Новинскъ давно тебя ужъ ждетъ,  
Жители тебя всѣ заждалися —  
У нихъ терпѣнья недостаетъ.

Давно, давно! ужъ все готово  
Лубянка на вытяжки стоитъ.  
Спѣши, опять здѣсь снова  
Все весельемъ закипитъ.

Одинъ разъ въ году бываешь  
И то мало такъ гостишь  
Гостепріимство наше знаешь  
У насъ все есть, что велишь.

Повелѣвай, какъ угодно—  
Велѣнья твои готовы исполнять.  
Въ Москвѣ у насъ превосходно,  
Вездѣ свободно изволь гулять.

Повелѣвай, какъ угодно—  
Блины у насъ молочные въ печи,  
А рыбы столько—и вкусъ потеряешь,  
Всего довольно, хотя подъ ноги мечи,



Если хмельное употребляешь —  
То шампанским угостимъ,  
Скуки у насъ ты не узнаешь,  
Въ кругъ веселья улѣтимъ.

Ты скажешь—нѣтъ дамъ,  
Не правда—болѣе чѣмъ кавалеровъ;  
А кто они—чортъ знаетъ самъ,  
А только скажемъ для примѣровъ.

Есть много ужасно иностранокъ,  
Также и купеческихъ дочерей,  
Портнихъ, горничныхъ, кухарокъ  
Изъ мѣщанъ и господскихъ людей.

Есть также и артистки,  
Кокетокъ цѣлый парадъ  
И со всей Москвы модистки  
Право чудо маскарадъ.

Хоть танцовать и неумѣемъ,  
Лишь бы ноги передвигать,  
Тамъ много такихъ встрѣтишь,  
Кои о танцахъ не могутъ понимать.

Туда же визави давай въ кадрили  
Туда сюда и въ задъ впередъ,  
Лучше-бъ дома бы сидѣли,  
А не срамили бы народъ.

Посмотрите вы повнятнѣй  
Тамъ чюдять, и всякъ чуднѣй  
И увидѣте-ль, гдѣ только безобразнѣй,  
Глупѣй невѣжи и смѣшнѣй.

Вы послушайте хоть обращенье  
Столичныхъ хватовъ удалцевъ—  
Съ дамами просты на удивленье,  
Ласкать ихъ летять со всѣхъ концовъ.

Здорово маска—ты мнѣ извѣстна,  
Но кто, скажи, какъ зовутъ?  
Ну знаю! ты Таничка прелестна,  
И тотчасъ маршъ—съ нею пьютъ.

Вотъ купецъ съ рыжей бородою  
Тащится въ длинномъ сюртукѣ;  
Маска, ѣдешь что-ль со мною?  
Кричитъ онъ дамѣ въ уголкѣ.

Погодимъ еще не много  
Она такъ нѣжно отвѣчаетъ  
Довольно кричить ей строго.

. . . . .

Когда скучать, и не успѣешь  
О семъ нельзя говорить.  
Если во всѣ гулянья пойдешь,  
То всѣхъ не можешь посѣтить.

Четыре въ день представленья  
Въ театрахъ здѣсь даютъ,  
А маскарадныя творенья  
И съума тебя сведутъ.

Еще въ клубахъ побываешь,  
А ихъ здѣсь очень много есть,  
А въ собраньи ты узнаешь,  
Дворяне какъ отдадутъ честь.

Какъ тебя и тамо встрѣтютъ  
Всѣ графы, генералы и князья  
И ласково тебѣ привѣтуютъ—  
У нихъ собранье для тебя.

4525





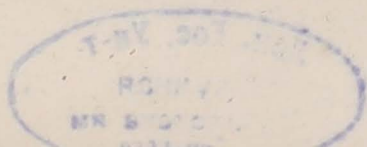
Знатныя дамы и вельможи  
И дочки миленькія ихъ,  
Гувернантки, мамзели тоже  
Ты будешь радостью у нихъ.

Только не въ обиду я скажу,  
Тебя не думаю гнѣвить,  
О томъ примѣрно доложу,  
Что по французски съ ними надо говорить.

А ты вѣдь въ Россіи рождена  
Можетъ, говорить такъ неумѣешь  
И танцовать польку неучена,  
Смотри—отъ стыда ты покраснѣешь.

Ты скажи, признайся  
И тебѣ можно въ томъ помочь  
Лучше съ ними не возжайся  
И отходи по дальніе прочь.

Лучше поѣдемъ въ маскарадъ—  
Тамъ по проще и все живѣе  
И я съ тобою ѣхать очень радъ,  
Тамъ всякой сбродъ, а съ ними веселѣе.



Политики большой тамъ неведутъ,  
Купцы, портные всѣ гуляютъ  
Сапожники, кузнецы вино пьютъ  
И время славно провожаютъ.

А вотъ, чу — звонокъ гремитъ,  
И тутъ-то дамочки порхая,  
Это—ужинъ, давай кутить,  
А послѣ идутъ, чуть ноги передвигая.

И что у нихъ тогда пойдетъ,  
Нельзя все даже описать  
И терпѣнья на это недостаетъ  
И если кто захочетъ знать.

Право, охота всякая оставить,  
Чтобъ прилѣжно примѣчать,  
И хотя томы онъ составитъ,  
Но всего не переписать.

---

## ВОСПОМИНАНИЕ О МАСЛЯНИЦѢ.

Вотъ, утихло все въ столицѣ  
Будто сномъ волшебнымъ спить,  
Все равно одно въ денницѣ,  
Яркимъ свѣтомъ все блестить.

Но не то, не то ужъ стало,  
Народъ что-то не шумить,  
И толпами какъ бывало,  
Подъ Новинской не спѣшить.

И что-то дѣвушки рѣзушки  
Съ лицомъ постненькимъ идутъ,  
Стали будто, какъ старушки  
И ни на что не думаютъ взглянуть.



И что-то стало все уныло,  
Театръ двери затворилъ,  
Подъ Новицкимъ все трубило  
Теперь онъ флаги опустилъ.

Гдѣ толпа, куда дѣвалась?...  
Куда такъ скоро разошлась,  
Съ какимъ стремленьемъ гулять ичалась,  
Теперь куда же убралась?

Экипажи гдѣ тѣ пышны,  
Въ коихъ лошади лихія  
Запряженны были въ дышлы,  
Грызя удила стальные?

Гдѣ-жъ купцы съ красными носами  
Съ опьяненной головой,  
Съ набѣленными женами —  
Всѣ уѣхали домой.

А что прикащики дружечки?  
Разомъ такъ ужъ приуныли  
Иль свои вы кошелечки  
Съ красотками поразсорили.

Ну что дѣлать, не тужите,  
Ни деньги нажили вѣдь васъ  
И красавицъ не браните —  
Будеть все опять у васъ.

Вы на нихъ-то посмотрите,  
Убытокъ бѣдныя несутъ,  
Наряды порваны взяните  
Они новыя вѣдь шьютъ

Довольно думать разсуждать,  
Не одинъ Новинскій веселился  
И на Лубянку позѣвать  
Идти всякой торопился.

И тамъ комедіи, балаганы  
И лошабочки съ звонками,  
Въ кругу дѣтей вертятъ  
Рядъ качель и самокатъ.

Громко музыка гремитъ,  
И народъ также толпами  
На крыльцѣ паяцъ чудитъ,  
Похваляемъ мужиками.

Иной отъ чувствъ идетъ качаясь,  
 Не разсуждая ни о комъ,  
 Между всѣхъ одинъ толкаюсь—  
 Это онъ вѣдь подъ хмѣлькомъ.

Иныя съ пѣснями удалыми  
 На качеляхъ съ кухарками вертятся,  
 Обнявшись съ подружками своими,  
 Сидятъ небрежно развалиясь.

Теперь и тамъ-то тишина,  
 Все утихло, все молчитъ,  
 Только чернь лишь одна  
 Мимоходомъ поглядитъ.

И такъ вездѣ какая скука  
 Разомъ на всѣхъ нашла,  
 О Боже мой! какая мука!  
 Скоро масляница прошла.

Пойду подальше куда—не знаю  
 Гдѣ-бы скуку разогнать,  
 А!... теперь я понимаю,  
 Пущусь по Кузнецкому гулять.



Тамъ веселье завсегда,  
И горя тамъ нѣтъ никогда  
Не вѣрите—такъ сами поглядите,  
Иль у модистокъ вы спросите.

Вотъ вечеръ лишь настанетъ,  
Идите туда гулять  
Всякъ красоточку поймаетъ  
Могу васъ въ этомъ увѣрять.

Хотя и тише онѣ порхаютъ  
И не весель Кузнецкій мостъ,  
Такъ вѣдь и они понимаютъ,  
Что теперъ великой Постъ.

Имъ масляница не надоѣла  
Они дружны весьма съ ней,  
Но! стыдно вѣдь первая недѣля  
Не много надобно быть скромнѣй.

---

## ВОСТОРГЪ ДУШИ.

Майскій день, какъ прекрасенъ,  
Когда солнышко блестить,  
Такъ взоръ мой свѣтель, ясенъ,  
И сердце о ней твердить.

Луга зелены и прекрасны  
Цвѣтами убранны поля,  
Ни хоры птичекъ сладкогласны  
Не восхищаютъ такъ меня.

Взоръ ея еще чудеснѣй,  
Улыбкой милой говоря,  
Уста ея цвѣтовъ прелестнѣй,  
Поцѣлуями маня.

Какъ вѣтра тихаго дыханья,  
Манить путника къ себѣ,  
Такъ грудь ея полна очарованья,  
Плѣняетъ всегда меня.

Какъ рощи, или садъ тѣнистый  
Всѣхъ къ себѣ гостить зоветъ,  
Иль соловей тамъ голосистый  
Громки пѣсенки поетъ.

Ея объятія прелестнѣй,  
Когда друга къ себѣ жметъ,  
А слова ея чудеснѣй,  
Когда пѣснь ему поетъ.

Что аврора передъ нею,  
На колесницѣ когда парить,  
Наединѣ когда мы съ нею,  
Да что объ этомъ говорить.

---



Милостивый Государь,

Ө. В.

Имѣю счастье вамъ доставить, какъ опытному литературному ветерану, мой юбилей тридцатилѣтняго моего авторствования, на который я приглашаю изъ всѣхъ странъ Россіи писателей, кому будетъ угодно принять участіе въ моемъ литературномъ праздникѣ: хотя бы это было и за очно. И я васъ убѣдительно прошу, не благоволите ли и вы вплести поэтическій свой листочекъ, въ златолавровый мой вѣночекъ. За что въ благодарной своей признательности, воскурю вашъ поэтическій өмміамъ, дань моего сердца. При семъ прилагаю приглашеніе на литературный юбилей—листъ, вторая рукопись. Соловей во время бури не

поеть, или—голосъ Русскаго къ западнымъ жителямъ Европы. Такъ какъ у васъ весь Петербургъ на ладонкѣ, то предприемлю смѣлость, обратиться къ вамъ съ своею просьбою, и съ откровеннымъ моимъ сердцемъ, нельзя ли васъ по беспокоить, исходатайствовать въ тамошнемъ Цензурномъ Комитетѣ, одобрить къ напечатанію, упомянутыя двѣ статьи? Тогда-то если вамъ заблагоразсудится, по мановенію вашему, и трости книжника скорописца пусть золотая пчела ваша, на крылахъ вѣтра, разомчитъ по всѣмъ концамъ свѣта, мои литературные подарки, для читающей публики; впрочемъ въ отрицательныхъ обстоятельствахъ, я могу отдѣльно напечатать на собственное иждивеніе, и уповаю на ваше благодушіе, что вы потрудитесь приказать возвратить мнѣ ихъ.

Милостивый Государь,

Ө. В.

Въ настоящее время, буря буйныхъ головъ, и разгульныхъ умовъ, кажется, небесное провидѣніе жѣлезною лозою поутишило. Скоро наступитъ торжественная весна, и животворящая весна!! Вылетѣвшій соловей изъ подъ моего черепа, теперь въ настоящее время, долженствуетъ пропѣть, сей геній, свой громкій гимнъ европейскимъ народамъ, и поздравить новое поколѣніе, съ наступающею восхитительною весною... Пусть мой торжествующій соловей, который пока сидитъ у васъ въ клѣткѣ, пусть онъ про-



поеть свою громоносную пѣсню, всѣмъ патриотамъ любезнаго своего отечества, и повторяеть радостное эхо торжествующаго сердечнаго міра, и восторженнаго вѣчнаго согласія, среди всѣхъ народовъ цвѣтущаго земнаго шара. Да будетъ надъ всѣми сынами согласія благодать Божія, да освѣнятъ ихъ небеса безконечнымъ миромъ и благоденствіемъ семейнаго счастья!!!

Да поють дѣти единаго Отца Небеснаго: Слава въ вышнихъ Богу на земли міръ, въ челоуѣцѣхъ бааговоленіе!!!

Желающій во всѣхъ предпріятіяхъ имѣть вамъ успѣхъ въ пользу свѣтоноснаго просвѣщенія, для не озаренныхъ умовъ науками физическими.

Федотъ Семеновъ Кузмичовъ.

Писанное во время житейскаго моря, во время суеты суеть, и суеты; суета, суета суетить, всяческая суета, въ тре-

волненіяхъ бытейскихъ бурь. Сіе письмо написано прямо на бѣло утромъ, во время печенія блиновъ; дѣти сидѣли на диванѣ, другіе помѣщались подъ столомъ, и у стола на полу, въ ожиданіи изъ печьки шипящихъ блиновъ, въ наптаніе физическаго своего желудка.

18

Милостивый Государь,

Ө. В.

Для вашего поэтического ветеранства, и за многолѣтніе литературные труды ваши: сердце мое ощущаетъ, что поэтическій духъ вашъ меня оживляетъ, и мою душу окрыляетъ, и я, теперь въ настоящія минуты, готовъ вамъ, и въ вашъ поэтическій вѣнчекъ, вплести свой литературный цвѣточекъ!! Приношу мою благодарность, дань моего сердца, на олтарь вашей многолѣтней поэзіи; гласъ моего сердца несетъ эхо вамъ,—эхо искренняго и чистосердечнаго, и признательнаго моего душевнаго благодаренія!!! Именно за



то, что вы вняли моему душевному убъ-  
жденію. Ваша золотая пчела не прожуж-  
жала въ мой слухъ, а поэтически про-  
пѣла громкимъ, Русскимъ, Курскимъ, ве-  
сеннимъ соловьемъ, какъ будто въ Маѣ,  
въ зеленой дубравѣ; стократно сердце  
мое гласить—благодарю!! Благодарю—и  
Русское коренное да раздастся—спасибо!  
Я на поэтическихъ лаврахъ еще не же-  
лаю почивать, но душа моя стремится  
къ поэзіи и жаждетъ видѣть торжество  
поэтовъ. Забудемъ прошедшее, забудемъ  
сатирическія пули, да будемъ наслаж-  
даться настоящимъ временемъ!!!

Я крайнѣ сожалѣю, что вы посѣтили  
всѣ книжные магазины, и не могли оты-  
скать моихъ тридцатилѣтнихъ сочиненій,  
тогда какъ я, и теперь въ прошедшее  
трехъ лѣтїе, не успѣваю на возахъ от-  
правлять, прямо изъ типографіи во всѣ  
концы Святой Русской земли, гдѣ иногда  
среди отдаленныхъ пустынныхъ снѣговъ,

среди пространных лѣсовъ, въ капченыхъ избушкахъ, и жители сель и городовъ, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ разнощиковъ и разнощиковъ, и въ свои объятія принимаютъ и ждутъ, когда они откроютъ свои лубочные кораба, съ московскими, иногда небывалыми, новинками — и съ восторженнымъ сердцемъ, съ удивленнымъ изумленіемъ взираютъ, какъ выкладываются на дубовый столъ различныя сочиненія **Θ. С. Кузмичова**, особенно бесѣды объ образованіи ума и сердца, — или небесное знаменіе, съ присокупленіемъ, чтобъ никогда овины не горѣли; или леченіе коней и коровъ простыми средствами; или спрашиваютъ спасенную Ниневію, со всѣми историческими свѣденіями. И еще особенно просятъ выкопать: Ратника на Московскихъ развалинахъ, съ портретомъ автора двухъ сотъ рукописей, или умоляютъ: не имѣется ли разказовъ, какъ принимали Рус-



скихъ солдатъ въ Германіи и Франціи въ 1813 и 1814 годахъ. Просто я удивляюсь,—куда моего изданія мои сочиненія дѣвались. Какъ будто все это нырнуло въ невозвратимую вѣчность. О если бы нашелся геній, собрать мои изданія, то я, сознаюсь предъ небесными звѣздами, берусь отопить ими во всѣхъ домахъ печки въ бѣлокаменной и первопрестольной столицѣ, знаменитой Москвѣ.....

Если вы дѣйствительно не нашли во всѣхъ магазинахъ и литературныхъ кабинетахъ? Въ случаѣ надобности или для удостовѣренія напишите ко мнѣ: да! а по желѣзной дорогѣ вы получите нѣсколько тысячъ пудовъ различныхъ книгъ, А если особенную поэтическую новость, что касается изливается изъ подъ черепа? это будетъ писано гусинымъ перомъ, простыми чернилами, но за то получите лучшіе цвѣточки изъ подъ моего черепа!

Готовый дѣйствовать въ пользу свѣто-



зарной поэзіи: азъ есмь жатель поэтиче-  
скихъ класовъ; счастье имѣю существо-  
вать, въ пользу народовъ, имѣющихъ ну-  
жду въ образованіи ума и сердца и  
свѣтлаго ихъ ученія...

Имѣю честь пребывать, къ услугамъ  
вашимъ готовый, Федотъ Семеновъ Куз-  
мичовъ.

КОНЕЦЪ.

